

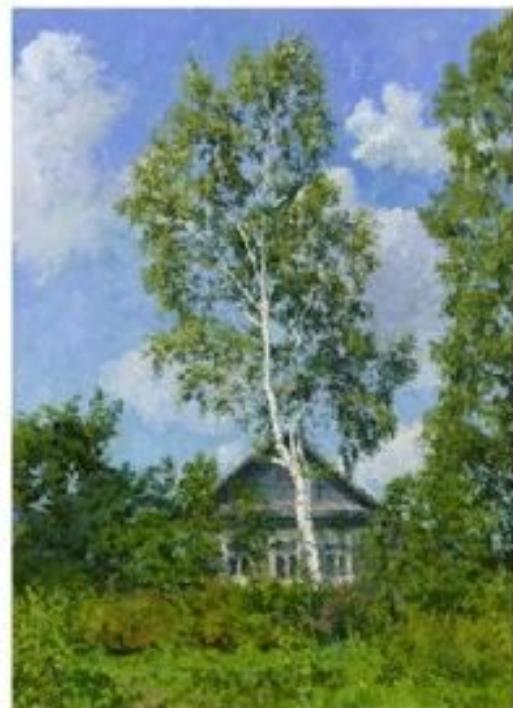
Викулов Сергей Васильевич

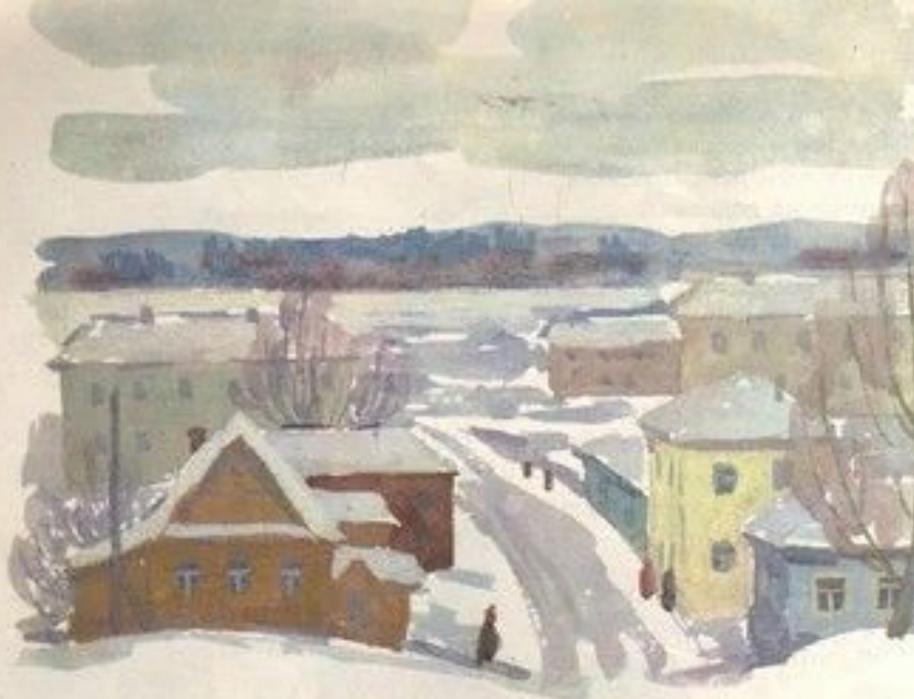
- Сергей Васильевич Викулов — русский советский поэт, главный редактор журнала «Наш современник»

Возвращение

- Вот и дом мой. Старые березы
У окна по-прежнему шумят.
Я пришел. Но почему же слезы?
С радости, как люди говорят?
Утром рано-рано на крылечко,
Словно завороженный стою,
И в окошко вижу я у печки
Маму постаревшую мою.
- Я шатаюсь, словно выпил лишку
Только дверь толкнул - и дома ... вот!
- Помнишь, мама, среднего сынишку,
Много доставлявшего хлопот?
- Я пришел. Но знаю: нету брата.
Я пришел. Но знаю: нет отца.
Утираю, будто виноватый
В чем-то, слезы с мамина лица.

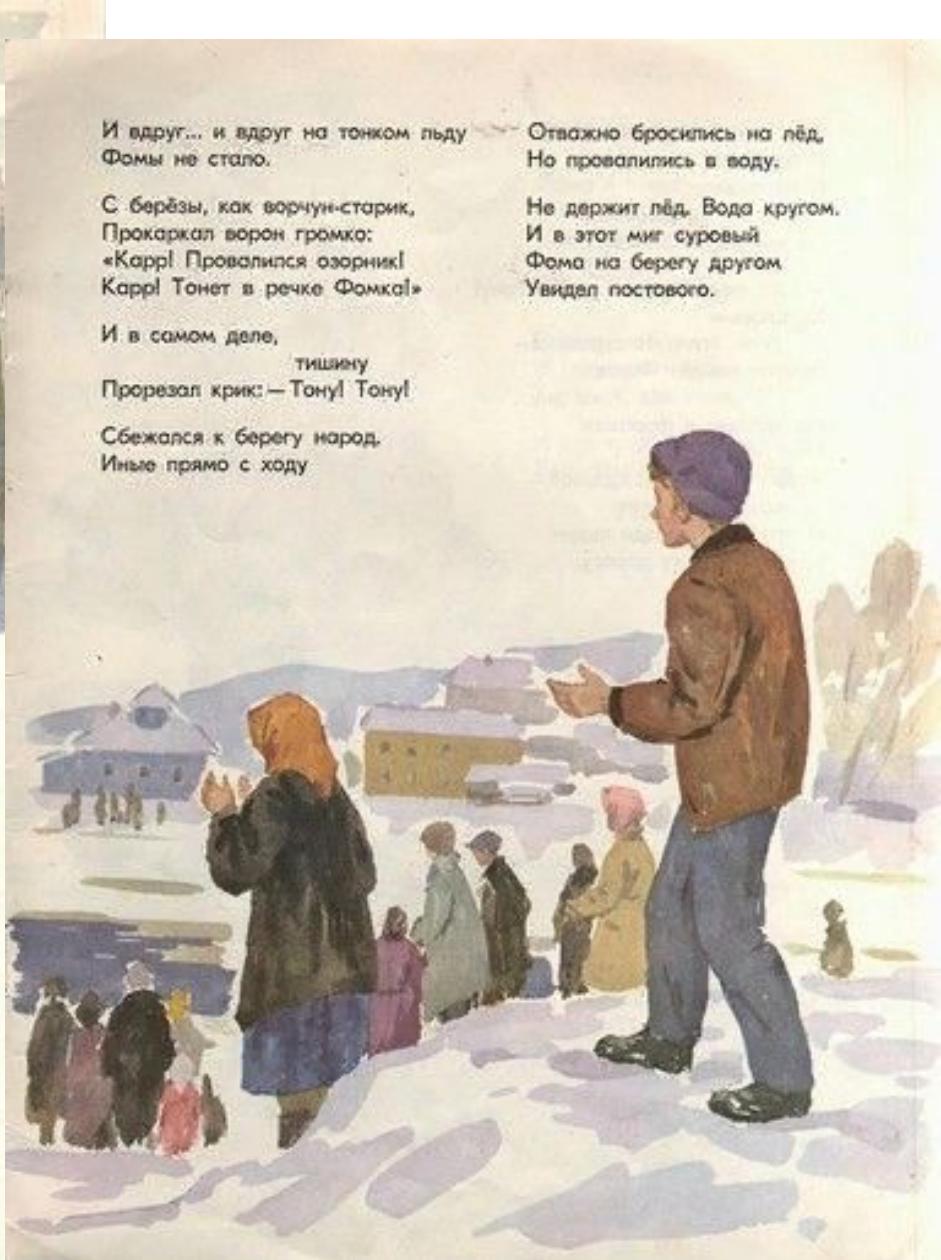

Вот былъ, ребята, про Фому.
И летом и зимою
Мы с ним живем в одном дому —
Соседи мы с Фомою.

Он дома
слова иногда
Не выговорит громко,
Но выйдет из дому — беда:
Преобразился Фомка.

На крышу влезет вдруг — хоть
плачай!

А то по тротуару
Начнет гонять футбольный мяч
С дружком своим на пару.

И вдруг... и вдруг на тонком льду
Фомы не стало.

С берёзы, как ворчун-старик,
Прокаркал ворон громко:
«Карр! Провалился озорник!
Карр! Тонет в речке Фомка!»

И в самом деле,
тишину
Прорезал крик: — Тону! Тону!

Сбежался к берегу народ,
Иные прямо с ходу

Отважно бросились на лёд,
Но провалились в воду.

Не держит лёд. Вода кругом.
И в этот миг суровый
Фома на берегу другом
Увидел постового.

Запустит в пампочку снежком,
Помяя его в подошке.
Чтоб не идти домой пешком,
Повиснет на подножке.
Через забор залезет в сквер..

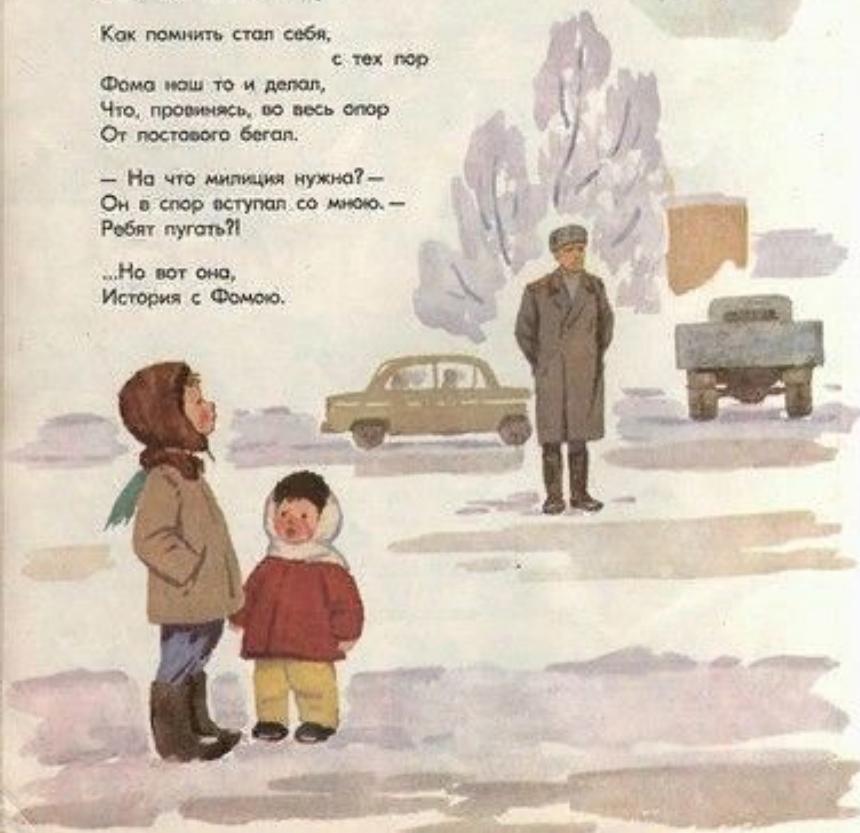
Но если он заметит,
Что рядом ми-ли-ци-онер,—
Помчится словно ветер!

Как помнить стал себя,
с тех пор

Фома наш то и делал,
Что, провинясь, во весь опор
От постового бегал.

— На что милиция нужна? —
Он в спор вступал со мною. —
Ребят пугать?!

...Но вот она,
История с Фомою.

— За лёд цепляйся!
Молодец!
Фома в ответ — ни звука.
Фома измучился вконец.
Едва положит руку
На лёд —
А лёд из-под руки...

Пролом всё шире, шире!
И тянут вниз Фому коньки
Тяжёлые, как гири.

И всё трудней, трудней ему
Держаться: душит холод.

КНЯЖИЦА

Волине

Коль женщины нали
в лесу сенохсят,
для Танек, для Яшек
княжицу приносит.

Княжица, княжица,
лисичкин подарок!
Мальчишечья лица
светлеют недаром.

Княжица, княжица —
не зря говорится.
Её, знать, растила
княжна иль царица.

Растила до срока,
росой поливала,
чтоб полнилась соком,
скорей созревала.
Как хвоя, ресницы
у этой царицы,
а щёки, а губы
румяней княжицы.

Лесные владенья её
не обмерить.
Ей служат с раденьем
и птицы и звери.
И может, лисица
там главный садовник...

Кистями княжица
ложится в ладони,
Не как утощенье
для Мишки иль Васьки,
а как продолженье
маманькиной сказки.

МОЛОДАЯ ЗИМА

Прежде чем грянуть, она подморозила
грязь на просёлках, речушку в логу,
и неем белым дохнула на озими:
дескать, не бойтесь, я вас сберегу...

Бодро прошлась, где вчера сенокосили,
и запечатала крепко,
строга,
тёплые запахи лета и осени
в скирды соломы, в ометы, в стога.

В лес заглянула... Бери хоть охапкою
палые листья, вяжи хоть в тюки!
И, недовольная осенью-бабкою,
пораскрывала свои сундуки.

И принялась, молодая, на росстани,
и на поля, и на покини сама
стать-расстилать свои белые простыни
новая в доме хозяйка — Зима.

Воале опушек
подушек наделала,
взбила перины... А пух — до небес!
Заяц, во всё нарядившийся белое,
бух в ту перину — и нету, исчез!

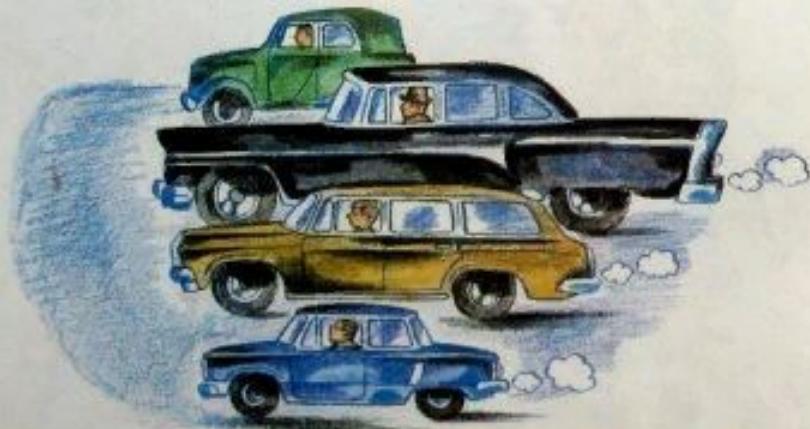
На ночь
в неё головёшками врезжутся
тетерева: «Поищи нас, лиса!»
Рада хозяйки: «Не жалко, пусть нежатся».

...В белом — деревни, поля и леса,
В белых халатах девчата-доярочки
белое в вёдрах несут молоко.
Только лишь стаи вороны да галочки
чёрные... В зиму им так нелегко!

Стихли сильные моторы,
транспорт встал на тормоза.
И весёлые шоферы
саду
глянули
в глаза.
И почему-то улыбнулись
из кабин, с обеих улиц.
Улыбнулся люд прохожий...
улыбнулся постовой...
И покуда сотней ножек
шлётал
сад
по мостовой —
всё стоял, как добный вестник,
вскинув руку, старшина.
И машины тронуть с места
не посмели —
ни одна!

ЗАХОТЕЛОСЬ МИШКЕ МОЛОКА

Возле скотного двора,
серебром сверкая,
говорлива и быстра,
речка протекает.

А за речкой тёмный лес:
ёлки да осины
поднялись до небес —
в облаках вершины.

Тишина в лесу и мгла,
мох да паутина...
Там медведица жила,
медвежат растила.

* * *

Скатилось за лес солнышко:
спать солнышку пора.
Коровушки-бурёнушки
мычат возле двора.

Они вернулись с пастбища —
круты у них бока.
Но рано, рано спать ещё
бурёнушкам пока.

Бегом к реке... И вот уж рядом
бидон! Страшио одному.

Понюхал их. Потом поланил.
И душу вдруг разбередил
какой-то очень вкусный запах...
Трахнул бидон что было сил!

Ещё сильней запахло вкусным.
Слюна скатилась с языка...
И он, напрягши каждый мускул,—
Эхма! — обланил «мужика»
и потащил его под кустик.

Топ, топ... И вдруг на камень задом
упал, запутавшись в траве.
— Ой, ой! — И лапою с досады —
шлён! — «мужика» по голове!

И диво!
Щёлкнув, отлетела,
раскрылась крышка широко.
И на траву струёю белой
плеснулось, пенясь, молоко!
Нагнулся Пестун.
Лижет.
Мало!

Лишь по усам оно текло,
а в рот почти не попадало...
Разобрало медведя зло!
Втянув в себя сладчайший запах,
«Не отступлюсь!» — подумал он,
дёт на траву, раскинув лапы,
и сунул голову в бидон!

Темно в бидоне, как в берлоге.
Зато вся морда в молоке!
А в это время по дороге
доярки топали к реке.
Но он не слышит. Пьёт, беспечен.
Надулся пуще пузыря.

А медведица седая
в это время в аккурат
под сосною восседала
в окруженье медвежат.

Когти ё землю точила,
было старой не до сна,
уму-разуму учила
глупых детушек она:

— Не ходите, медвежата,
там, где ходят мужики.
Руки их коротковаты,
да удары далеки.

Добавляла, гладя сына:
— Кроме рук,
у мужика
завсегда с собой «дубина»
шострашнее кулака.

Как прижмет её к плечу да
как причесурит левый глаз —
уленетьтай, покуда
не понало! В добрый час!

А помедлишь чуть, как дома, —
горяча, быстра и зла,
из «дубин» этой с громом
тотчас вылетит
пчела.

Как ударит в лоб ли, в зубы —
упадёшь... Она крепка!
И твоя медвежья шуба
станет шубой мужика...

Вдруг как вскочит медведь
с головой желеаной!
— А-ай! — И все, как горох,
врассыпную к броду:
кто — в грязь,
кто — в мох,
а одна с ходу
с бережка — в воду!
И кричат из воды:
— За ружьём, Гришка!!!

Ох, наделал беды
маленький воришка.
В яму ланью ступил —
и свалился снова...

— Сам себя погубил,
голова садова... —
так сказал пастух-старик
(он один не струсил). —
Что вы подняли крик,
гуси?!

Хватит попусту кричать,
авера надо выручать...

Подошёл и ловко
в два ряда, в три ряда
спутал Мишке без труда
лапушки верёвкой,
чтоб не смел цапаться он...
И под общий хохот
с головы его бидов
снял: — Возьми, Алёха...

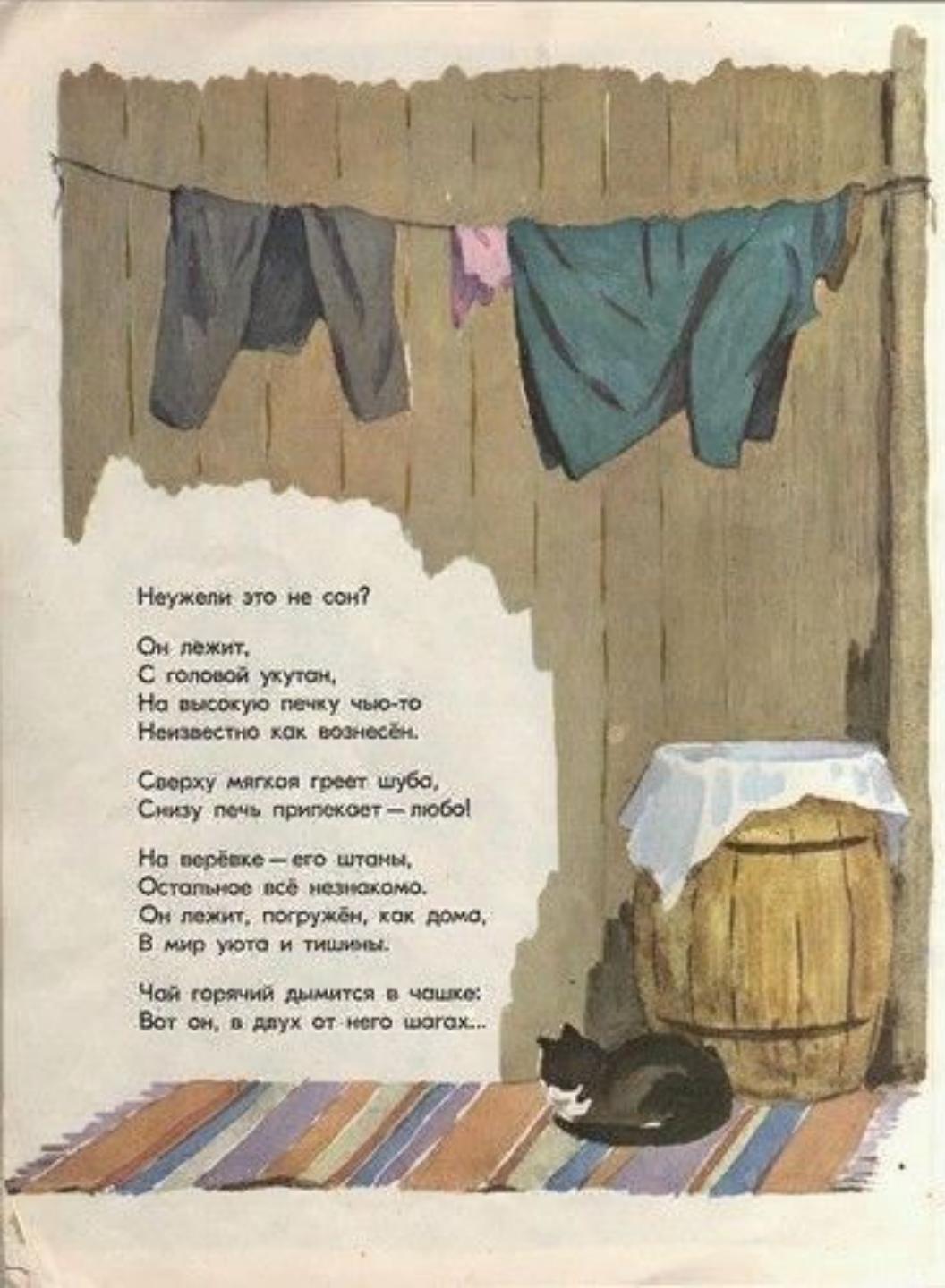
Михаил от молока
весь не бурый — сивый.
Поглядел на старика
и сказал: «Спасибо!»
И ещё сказал, кляня
чёртову посуду:

«Отпустите меня...
Больше я не буду
воровать модоко,
убегать далеко,
не спросясь у мамы...»

— Ох, хитёр ты, малый! —
погрозил в ответ старик
медвежонку строго
(видно, он лесной язык
понимал немного). —
В лес тебя, баловника,
отпускать опасно:
лапа больно велика...
Попадись — намнёшь бока,
кожу спустишь... Ясно!
Нет, уж раз ты попал
сам в ловушку, дурень,
поезжай в зоопарк,
поучись культуре!

Неужели это не сон?

Он лежит,
С головой укутан,
На высокую печку чью-то
Неизвестно как вознесён.

Сверху мягкая греет шуба,
Снизу печь притекает — любо!

На верёвке — его штаны,
Остальное всё незнакомо.
Он лежит, погружен, как дома,
В мир уюта и тишины.

Чай горячий дымится в чашке:
Вот он, в двух от него шагах...

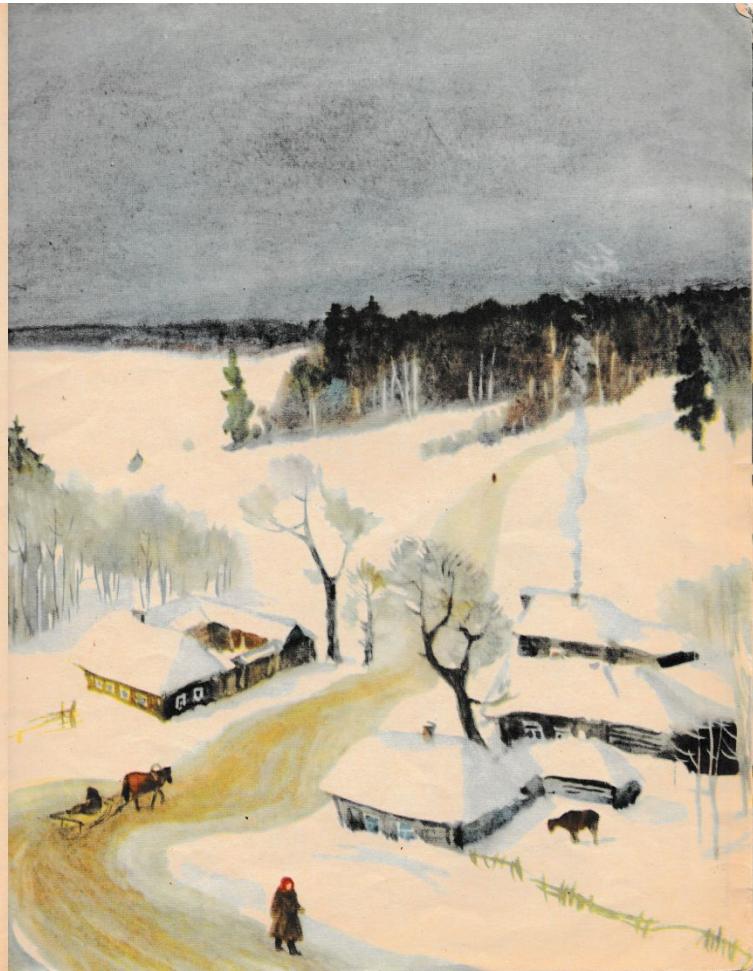

Снег да снег

Снег да снег. Всю избӯ занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только чёрные, чёрные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдце;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребяташки смеются.

ВЕСЁЛОЕ ЛЕТО

Лето, лето к нам пришло,
Стало сухо и тепло!

По дорожке, прямиком
Ходят ножки босиком.

Кружат пчёлы, выются птицы,
А Маринка веселится.

Увидела петуха,
Засмеялась: — Ха-ха-ха!

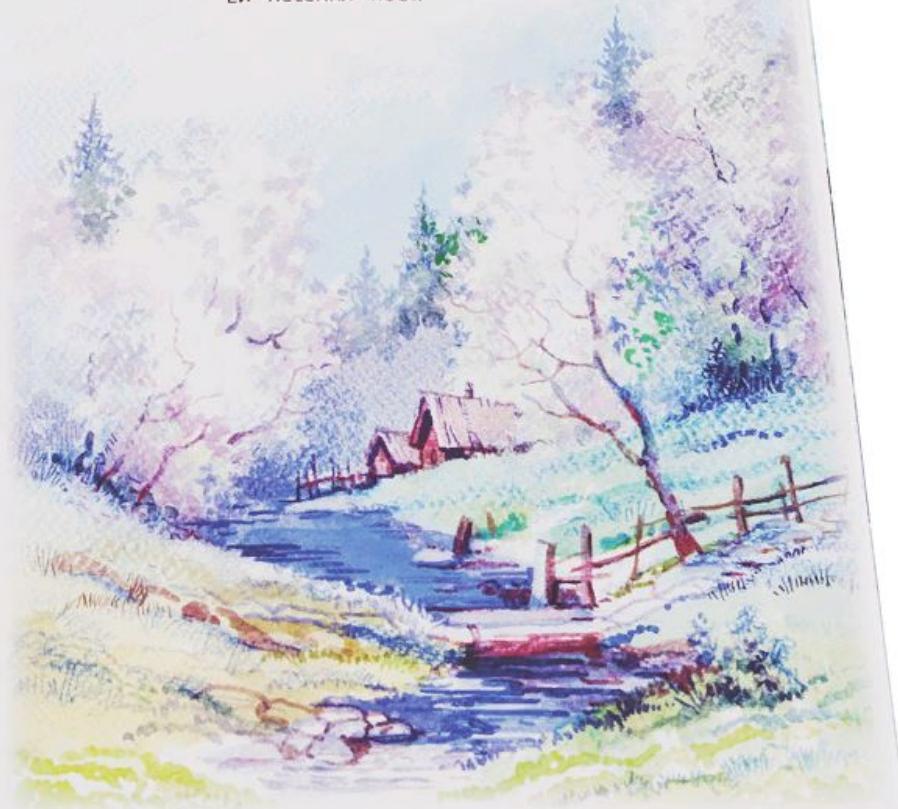
Удивительный петух —
Сверху перья, снизу пух! —

ЧЕРЁМУХА

Черёмуха душистая
 С весною расцвела
 И ветки золотистые,
 Что кудри, завила.
 Кругом роса медвяная
 Сползает по коре,
 Под нею зелень пряная
 Сияет в серебре.
 А рядом, у проталинки,
 В траве, между корней,

Бежит, струится маленький
 Серебряный ручей.
 Черёмуха душистая,
 Развесившись, стоит,
 А зелень золотистая
 На солнышке горит.
 Ручей волной гремучею
 Все ветки обдаёт
 И вкрадчиво под кручею
 Ей песенки поёт.

Спит ковыль...

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полныи.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплыи.

Знать, у всех у нас такая участь.
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живётся на Руси.

Свет луны таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

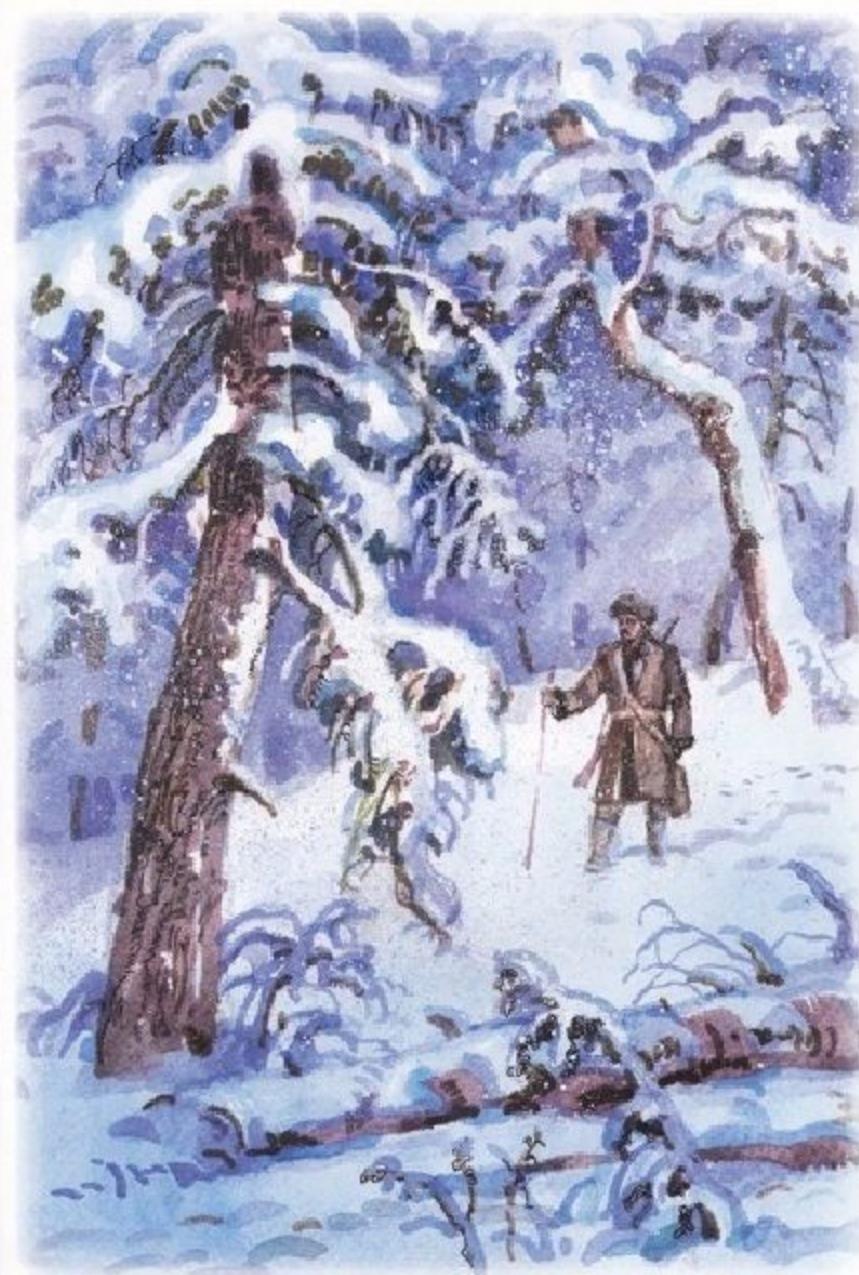
И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Всё равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По почам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и всё же, новью той теснимый,
Я могу прочно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В этот лес заворожённый,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряжённой
На охоту шёл вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошёл, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше — лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твёрдо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за ёлки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далёкий
Оставляет на снегу?..

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

